

В. Ф. Петренко¹

ГУМАНИТАРНАЯ КУЛЬТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ — ОСНОВЫ СОХРАНЕНИЯ РУССКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ²

О том, что в России растет социальная напряженность, пишут пресса, социологи, говорит высшее руководство страны. Россия больна, наряду с синдромом авторитаризма, коррупции, социальной аномии остро стоит проблема «национальной идентичности». Проблема не новая, доставшаяся по наследству от СССР и предшествующая его распаду. Резня в Сумгаите и последовавшая затем Карабахская война Азербайджана и Армении, резня в Оше и на прилегающих к нему территориях в Киргизии (повторившаяся в прошлом году), Молдавско-Приднестровский конфликт; две чеченские войны, уже в независимой России; межнациональные конфликты в Кондопоге, Ростове, Ставрополе, Челябинске, а совсем недавно в Москве (на Манежной площади) и в Питере — симптомы все той же тяжелой затяжной болезни. Но болезни отнюдь не чисто российской. В несколько иных условиях с ней сталкиваются практически вся Европа и отчасти США. Проблема эта связана с неравномерным развитием стран или (что специфично для России) их отдельных регионов и ограниченностью природных ресурсов.

Идет своеобразная «обратная волна колонизации» бывших метрополий выходцами из бывших колоний. Проблема высокой рождаемости при ограниченности природных ресурсов была поставлена еще Мальтусом и известна как «мальтузианский тупик». Нарисуем некую, значительно упрощенную схему демографической саморегуляции народонаселения. Высокая рождаемость отчасти компенсировалась высокой смертностью, низкой продолжительностью жизни, гибелью населения в войнах, уходом части населения в монастыри. Такая «отрицательная обратная связь» действовала на уровне отдельных стран, осуществляя динамическое равновесие численности населения. Страны, достигавшие экономического и культурного прогресса, имели возможность увеличить собственное население и осуществить экспансию в мир, колонизируя страны, отставшие на неком историческом промежутке. Такой механизм действовал до XX века.

¹ Член-корреспондент Российской академии наук, профессор кафедры общей психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор психологических наук. Автор более 240 научных публикаций, в т. ч. книг: «Введение в экспериментальную психологию: исследование форм репрезентации в обыденном сознании», «Психосемантика сознания», «Лекции по психосемантике», «Психосемантический анализ динамики общественного сознания (на материале политического менталитета)», «Основы психосемантики» и др. Член редакционных коллегий журналов: «Психологический журнал», «Психология», «Общественные науки и современность», «Историческая психология», «Московский психотерапевтический журнал», «Методология и история психологии».

² Исследование проводится при финансовой поддержке РГНФ.

В XX веке население лидирующих культур неизбежно начало изменять принятое до этого демографическое поведение, связанное с высокой рождаемостью. Равноправие женщин, вовлечение их в экономику, позднее вступление в брак, связанное с необходимостью длительного образования, неизбежно привели к снижению рождаемости в экономически развитых странах. При этом гуманизация экономической и культурно лидирующих стран, а затем и последующая глобализация привели к тому, что экономические, научные и культурные достижения лидирующих стран (в первую очередь Европы и США), а также успехи в медицине стали достоянием стран и регионов-аутсайдеров. Последние же сохранили традиционный стиль жизни и связанную с этим высокую рождаемость. Возникло все увеличивающееся демографическое и иммиграционное давление населения третьего мира и традиционных культур на экономически развитые страны. Все это происходит на фоне старения населения бывших метрополий и их депопуляции. Потребности экономики диктуют необходимость иммиграционной подпитки трудовых резервов и привлечения иммигрантов. Однако национальные волнения арабской и негритянской молодежи в пригородах Парижа, стычки иммигрантов с полицией в Манчестере, Лионе, Неаполе и тому подобное показали, что если первые волны иммигрантов из третьего мира были готовы к выполнению самых тяжелых и непрестижных работ, то их потомство, плохо ассимилируясь в культуре новой родины, предпочитает жить на пособие, усугубляя экономические и политические проблемы.

Если массовая волна эмиграции из стран третьего мира в Европу началась в середине 1960-х годов, то Россия столкнулась со схожей проблемой в 1990-х, с распадом Советского Союза. В роли иммигрантов здесь выступают выходцы с Кавказа и Средней Азии для Европейской части России и Сибири, и китайцы на российском Дальнем Востоке. И если трудовая иммиграция из республик Средней Азии и Китая предположительно временная, осуществляющаяся «вахтовым методом», то иммиграция с Северного Кавказа граждан Российской Федерации не предполагает последующего их возврата на исходные позиции. То, что демографические проблемы, связанные с национальными проблемами и национальными волнениями, идут, в сравнении с Европой, с временным лагом, дает некую фору и слабую надежду на способность учиться на чужих ошибках и надежду на формирование осмысленной национальной политики.

Основную опасность национальной российской политики я вижу в потенциальной возможности утраты национальной идентичности (см. понятие идентичности Taifel, Turner 1986). Перефразируя изречение Клаузевица. «Народ, не желающий кормить

свою армию, будет кормить чужую», добавлю: «страна, не способная содержать и развивать свою культуру, просто исчезнет, ассимилировавшись и растворившись в других культурах».

Россия — многонациональное государство, и уникальная русская культура является сплавом, интеграцией, синтезом славянских, угро-финских, тюркоязычных и малых северных народностей. На ее содержание повлияли и культуры наших бывших и настоящих соотечественников — украинцев, татар, армян, евреев, грузин, белорусов, казахов, немцев, бурятов, корейцев и других народов (следовало бы назвать представителей всех национальностей, имеющих российское гражданство). Помимо этого, русская культура немыслима вне контакта с культурой Франции, Германии, Польши, Голландии, Швеции, Монголии, Китая, Индии, США...

Русский этнос — не биологическое, а культурологическое понятие, объединяющее людей разных национальностей, принадлежащих русской культуре, думающих на русском языке и идентифицирующих себя с российской историей. Рассмотрим в качестве примера только поэзию, как очень важную часть русской культуры, выступающую своеобразной экспериментальной лабораторией русского языка. «Солнце русской поэзии» — потомок арапа Петра Великого Александр Сергеевич Пушкин — «Русский человек через сто лет его развития», как его определил Ф. М. Достоевский; потомок шотландца Лермонта — М. Ю. Лермонтов; создатель «Словаря великорусского языка» — датчанин (по происхождению) В. И. Даль. Имевший немецкие корни А. А. Блок, шотландские — Д. К. Бальмонт, русские поэты еврейской национальности Б. Л. Пастернак, О. Э. Мандельштам, И. А. Бродский — вот только несколько ярких примеров создателей русской культуры в области поэзии и языка.

Русская идентичность, помимо очень важного усвоения внутрисемейной автобиографической памяти, формируется путем усвоения русского языка, истории, литературы, всего того комплекса, который называется гуманитарным образованием. Последнее, обретаемое в первую очередь в школе, претерпевает системную деградацию. Опыт общения со старшими школьниками показывает, что они не владеют элементарными историческими знаниями. На мой вопрос, возникший в ходе обсуждения творчества М. Е. Кольцова, когда была гражданская война в Испании, ни один из студентов первых курсов (вчерашних школьников) престижного московского университета не смог ответить. А это событие связано с первым отпором фашизму в Европе, с созданием интербригад и участием в них наших добровольцев. Оно имело огромное идеологическое значение и является фактом нашей собственной истории.

Мой коллега А. П. Назаретян, психолог и специалист по Латинской Америке, много лет преподавал в Институте общественных наук лидерам коммунистических партий Южной Америки, партизанам, подчас находившимся у себя на Родине на нелегаль-

ном положении. Разные по уровню образования и общей культуре, в массе своей это были искренние борцы за лучшую участь своего народа, борцы против империализма и эксплуатации. Для многих из них Советский Союз представлялся идеалом того, к чему они стремились, страной победившего социализма, «раем божьим на земле», справедливым обществом, лишенным эксплуатации. Образ Советского Союза у них был чаще всего стереотипным и упрощенным. Сталкиваясь с негативными примерами нашей жизни, они искренне удивлялись: «Откуда в вашей стране преступность? Как она может быть в стране, покончившей с эксплуатацией человека человеком?» Стереотипность представления нашей страны и низкая когнитивная сложность в осознании социального устройства общества часто приводили к тому, что Назаретян (2005) называет «стереотипами-перевертышами». Шок от несоответствия ожидаемого и реальности часто приводил к тому, что человек, приехавший к нам горячим поклонником нашей страны, уезжал если не противником, то по крайней мере разочарованным в стране «победившего социализма». Многие наши постперестроечные эмигранты подчас возвращаются в Россию разочарованными в «свободном мире» и выступают с позиций «ура-патриотизма». В то же время системные социальные, гуманитарные знания позволяют амортизировать влияние негативных событий, ведут к пониманию многомерности бытия, сосуществованию в нем темных и светлых сторон.

Во времена «перестройки» мне запомнилось рассуждение одного священника (оставшегося для меня безымянным) о первородном грехе. Первородный грех, полагает он, состоит не в том, что Адам и Ева, нарушив запрет Бога, съели яблоко с древа познания, и мы, их дальние потомки, грешны, так сказать, «по наследству». Грех в том, что, входя в этот мир, мы наследуем (интериоризируем, сказали бы психологи) историю и культуру наших предков и являемся производными от этой истории, включающей как события, которыми можно гордиться, так и то, что вызывает стыд и чувство вины за наших предков, да и за нас самих. Ведь мы вскормлены их ресурсами, впитали их менталитет со всеми гранями добра и зла. Мы и есть наши предки в новой исторической одежде. И принять эстафету поколений — значит принять ответственность за поддержание и развитие своей истории и культуры, испытывать гордость за историю своей страны и чувство вины за ее неблаголе деяния. Последнее дискомфортно, а подчас и мучительно. Поэтому грустно наблюдать «новых молодых конформистов» — разнообразных проправительственных «Наших», готовых вешать себе на грудь заслуги своих прадедов, но не готовых сострадать их тяжелой судьбе и, главное, принять на себя ответственность за судьбу своей страны и бороться за ее улучшение и модернизацию. Выгоднее петь «аллилуйя». Вспоминаются иронические стихи советского времени: «Мы не сеем, не пашем, не строим — мы гордимся общественным строем».

Человек — существо не только прагматичное, стремящееся максимально удовлетворить свои индивидуальные желания и потребности; не только социальное, стремящееся занять достойное место в обществе, где область «моего я» распространяется и на ближайшее окружение (родителей, детей, друзей, коллег по работе, на мой город, мою страну); но и символическое, живущее в мире языка, знаков, символов, где, помимо экономической и политической борьбы за ресурсы и влияния, идет еще и конкуренция в ментальном, семиотическом плане за доминирование значимых символов и представлений, за собственную трактовку и интерпретацию исторических событий — словом, ведется идеологическая борьба за доминирование собственной картины мира, того или иного индивидуального или коллективного субъекта. Наконец, человек еще и существо трансцендентальное, стремящееся выйти за рамки собственного «я» и обрести смысл своего конечного бытия, соотносясь с чем-то вечным, служа, работая ради чего-то непреходящего, выходящего за рамки собственной жизни. Мое индивидуальное «я» через идентификацию с историей моей семьи, рода, страны, через идентификацию с профессией, наукой, искусством, которые могут восприниматься как форма служения чему-то вечному, непреходящему, обретает смысл собственного существования.

Наконец, религиозная вера (и не только религиозная), как показывает история человечества, является наиболее апробированным путем обретения смысла существования, как единичного человека, так и человечества, дает множество символов, выступающих нравственными ориентирами человека в мире. В этом плане для изучения политики того или иного государства, прогнозирования его развития и места в мировом сообществе важен не только экономический и политический анализ его ресурсов, оценка его военной мощи, состояния социальной сферы (образования, медицины, культуры), но и тесно связанная с культурой оценка состояния общества в духовной сфере, степень доверия в обществе, милосердия к нуждающимся в его опеке и поддержке. Иными словами, «состояние умов», «качество населения», «социальный капитал», «ментальный ландшафт», «общественные установки», «национальные отношения», «религиозная веротерпимость» и «толерантность общества» — необходимые компоненты в политическом прогнозе развития того или иного государства. Эти аспекты «ментального картографирования» составляют предмет научного направления, известного под названием «психосемантика сознания», или «психосемантика общественного менталитета» (Петренко, Митина, 1997; Петренко, Митина и др., 2000; Петренко, Митина, Карицкий, 2010; Petrenko, Mitina, 2003).

Россия — государство межконфессиональное и многонациональное. Как показали наши исследования семантического пространства политических партий и семантических конструктов политического сознания, накануне распада СССР идеологическое измерение было задано оппозицией (противо-

поставлением) коммунистической и религиозной идеологии (Петренко, Митина, 1997). Демократы первой волны не смогли или не захотели создать собственную идеологию и выдвинуть собственный вектор направления «русской идеи». В результате возникло потенциальное противоречие между религиозным сознанием, несущим в своих истоках элемент нестяжательства, и потребительской идеологии, выступающей под лозунгом личного обогащения и убеждения, что «в экономике морально то, что приносит прибыль».

Заложенная мина противоречивости системы ценностей общественного сознания дополнена проблемой многоконфессиональности. О том, что религия объединяет, свидетельствует исторический опыт создания великих империй, которые возникли под влиянием мировых религий, появившихся в так называемом «осевом времени» (К. Ясперс, 1997). Принцип христианства «несть грека и несть иудея» в тех или иных формах присущ всем мировым религиям. Они и стали мировыми, так как сняли проблему национальных противопоставлений, заместив его принципом религиозного единства. Квазирелигия коммунистической идеологии, также имевшая колоссальное объединяющее начало по классовому, а не национальному основанию, выразила это в лозунге: «Пролетарии всех стран, соединитесь!». И то, что в Советском Союзе, по крайней мере в Центральной России, Украине, Белоруссии, Казахстане и так далее, людей интересовала не национальность соседей или сослуживцев, а их личностные качества, свидетельствует, что лозунг брежневской эпохи о том, что в Советском Союзе создана новая социальная общность — советский народ, не просто был идеологическим штампом, а имел под собой некое реальное основание.

С распадом Советского Союза, уже в России роль объединяющего и духовного начала взяла на себя религия. Но в условиях многоконфессионального государства сплочение народа на религиозной основе неизбежно оборачивается противопоставлением народов по конфессиональному принципу. В цивилизованном мире отделение церкви от государства вызвано не особым безбожием правящей элиты демократических обществ, а необходимостью обеспечения равных прав граждан — как представителей разных национальностей и зачастую разных конфессий, так верующих и атеистов. Правильные слова президента Д. Медведева на встрече с лидерами парламентских фракций в январе 2011 года о том, что в условиях России нужно делать особый акцент на развитии культуры титульной нации (хорошо бы, чтобы за этими словами стояли и реальные программы ее финансирования), потенциально могут обернуться оруэлловским «Все животные равны, но некоторые равнее». Империи, не придерживающиеся национального и религиозного равноправия, рано или поздно распадаются. Ярким примером может служить распад Османской империи, устроившей резню армянского и отчасти курдского населения, при реализации младотурками программы созда-

ния национального государства. Но применительно к Советскому Союзу времен «брежневского застоя» и нынешней России мы сталкиваемся скорее с противоположной ситуацией, когда этносы, имеющие свою титульную государственность, обладали скорее некоторым преимуществом по отношению к русскому населению.

Наше утверждение относительно СССР касается уже послевоенного времени. Мы хорошо знаем о массовой депортации крымских татар, греков, корейцев, чеченцев, ингушей, «расказачивание» донских и терских казаков, антисемитизм и подавление культуры и религии (например шаманизма) малых народов в сталинские времена. Однако в хрущевско-брежневское время ситуация сильно изменилась, и национальные республики имели существенную экономическую подпитку. Во времена Хрущева и Брежнева только три республики — Россия, Азербайджан (за счет нефти) и Белоруссия (незначительно) — являлись республиками-донорами, но даже «щирая» Украина пользовалась союзными дотациями. Можно вспомнить освоение «целинных и залежных» земель в Казахстане, восстановление Ашхабада и Ташкента после чудовищных землетрясений, строительство заводов электронной промышленности в Прибалтике и тому подобное при экономической деградации малых городов и сел центральной России, ресурсы которой во многом перенаправлялись на периферию государства. Жители союзных республик обладали как бы двойным гражданством и, имея карьерные преимущества в собственной титульной республике, пользовались общесоюзными квотами в образовании и представительстве в аппарате власти.

Могу привести пример из собственной жизни, иллюстрирующий мои слова. Я поступал в престижный Московский университет три раза, и только с третьей попытки мне удалось преодолеть огромный конкурс на факультет психологии. Многие мои однокурсники прошли с первого раза по республиканским квотам. Как правило, это были дети местной чиновной и партийной элиты. Впрочем, будучи уже студентами, мы не обсуждали национальных аспектов зачисления. Среди «позвоночных» по линии ЦК КПСС хватало и русских ребят. Сходная ситуация повторялась и при зачислении в аспирантуру. У нас на факультете учился целый поток ребят из Прибалтики, и мне больно сознавать, что большинство вчерашних однокурсников, став важными людьми, не поддерживают контактов со своей альма-матер, видимо, не считая ее таковой.

В новой России сохранились и даже значительно увеличились преимущества титульных национальностей, имеющих свою государственность. Имея свои органы власти, своих руководителей (президентов в недавнем прошлом) в Дагестане, Татарстане, Башкирии, Якутии, Чечне, Ингушетии и других республиках, они обладают конкурентным преимуществом у себя на родине, а имея землячества — так и по всей стране. Многие республики, в первую очередь Северного Кавказа, являются дотационными, но вследствие значительной коррупции (присущей

всей России, но в силу клановых отношений особо процветающей в национальных республиках) обладают и исходным предпринимательским капиталом. Все это дает дополнительные конкурентные преимущества.

Одна из линий возможных этнических противостояний — это различие по религиозной принадлежности. Чтобы избежать противостояния по религиозному принципу, в новой России в ельцинские времена была открыта возможность религиозной реализации для различных конфессий. Что есть благо, так как способствует духовному развитию, по крайней мере части населения. Но это не есть благо с учетом возможности противопоставления и даже конфронтации по религиозному признаку, что послужило причиной напряженности и терроризма на Северном Кавказе. Допущение к религиозной службе иностранных проповедников, придерживающихся фундаменталистских взглядов (тех же ваххабитов), открытие медресе и мечетей на деньги зарубежных спонсоров, имеющих собственные геополитические цели, не совпадающие с интересами российской государственности, способствовали радикализации и росту напряженности на Кавказе, проявившихся в двух чеченских войнах и терроризме на всем Северном Кавказе. Фундаменталисты, исповедующие национализм, имеются и в православной церкви. Антитезой противопоставления населения по религиозному принципу является культивация общечеловеческих принципов и ценностей и акцент на гуманитарной культуре, задающей эталоны духовности и нравственности.

Итак, Россия стоит перед дилеммой. Демографический крест, включающий низкую рождаемость и высокую смертность, связанную со старением населения, настоятельно требует иммиграции трудовых ресурсов для поддержания экономики. Массовый же приток людей иной бытовой и религиозной культуры, иной системы ценностей грозит размыванием русской идентичности, падением уровня национальной культуры и превращением ее в одну из многих рядоположных конкурирующих этнических культур на поле традиционной территории. И это происходит на фоне падения «качества населения» самого русского этноса, его образованности и уровня гуманитарной культуры, включающей знание собственной истории, литературы, искусства.

Качество населения включает и отношение к труду как источнику блага. Неслучайно наряду с протестантской трудовой этикой (вспомним работы Вебера, утверждавшего, что протестантизм мостил дорогу капитализму), конфуцианская, буддистская трудовая этика способствовала появлению дальневосточных экономических «тигров» и «драконов» (Японии, Китая, Южной Кореи, а теперь уже набирающего силы Вьетнама). В России же трудовая мотивация деградирует, ибо качество жизни и уровень доходов находятся в отрицательной корреляции с уровнем образования и трудовыми достижениями. В 1990-х годах на сцену вышел малообразованный, но нахрапистый «троечник», на вкусы и запросы ко-

торого начала ориентироваться массовая культура. Место ценности труда и образования как средства достижения определенного уровня жизни заняли родственные связи, где дети элиты не только наследуют родительские капиталы, но и автоматически занимают престижные места в социальной иерархии. Для массы остальной молодежи телевидение и гламурные журналы пропагандируют идею «счастливого случая» — удачного выхода замуж за богатого бизнесмена для девушек или успешной карьеры бизнесмена на поприще чиновника или бандита для юношей. Многочисленные денежные лотереи и конкурсы типа «выиграй миллион» также работают на идею «удачи», не связанную с трудовой активностью, хотя справедливости ради отметим, что в последнем случае ценность образования, пусть косвенно и в извращенной форме, все же пропагандируется как условие этой удачи.

Из политиков только, наверное, ленивый не пнул телепередачу «Дом-2», обвиняя ее в пропаганде распущенных нравов. Я же вижу пагубность этой передачи в том, что молодые здоровые ребята, нигде не работая, не производя никаких материальных или духовных ценностей, могут успешно заниматься сексом и выяснением личных отношений за счет субсидируемого государством телевидения. А тысячи молодых (да и старых) налогоплательщиков, готовых подглядывать в «замочную скважину», утверждают в представлениях, что для преуспеяния не надо учиться и трудиться, главное — пробиться к «ящику», попасть в сферы власти имущих. Лидеры поп-культуры наряду с чиновниками и бизнесменами становятся «новой русской элитой». Научная, художественная, да и военная элиты оказываются на задворках этого «праздника жизни». Нищенская зарплата преподавателей средней и высшей школы (зарплата доцента периферийного вуза со всеми добавками за степень не превышает 15 тыс. руб.) не позволяет поддерживать достойный уровень жизни, а многочисленные подработки отвлекают от главной задачи — обучать и просвещать подрастающее поколение.

Как приток иммигрантов в Россию, так и падение «качества» коренного населения действительно требуют увеличения значимости гуманитарного образования и гуманитарной культуры — как фактора, формирующего и поддерживающего менталитет нации. Как пелось в задорной детской песне: «Одни поем мы песенки, одни читаем книжки». Но книжки, научные журналы, перестав дотироваться государством (как было в советское время), выходят минимальными тиражами и не в состоянии просвещать население. Государство отстранилось от гуманитарной политики, отдав ее на откуп рыночной экономике. Государство, экономящее на культуре и образовании, «рубит сук, на котором сидит». В результате оно получит (уже получило) массу люмпенизированной молодежи, которую легко зажать националистическими лозунгами, а также малограмотных иммигрантов, не готовых принять и полюбить культуру нового места проживания, которое не стало новой родиной.

Низкий уровень гуманитарной культуры неизбежно отзовется межнациональным противостоянием, этническим терроризмом и русским бунтом, «бессмысленным и беспощадным». Выход из этого тупика — гуманитарное образование, дающее рост духовности.

Литература

1. Назаретян А. П. Психология стихийного массового поведения / А. П. Назаретян. — М.: Академия, 2005.
2. Петренко В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. — М.: МГУ, 1997.
3. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости / В. Ф. Петренко [и др.]. — М.: Смысл, 2000.
4. Образ России глазами россиян и иностранцев / В. Ф. Петренко [и др.]. — М.: Московский гуманитарный ун-т, 2009.
5. Ясперс К. Общая психопатология / К. Ясперс. — М.: Практика, 1997.
6. Petrenko V. Russian s Representations of Geopolitical Space / V. Petrenko, O. Mitina // European Psychologist. — 2003. — № 4., Vol. 8.
7. Taïfel H. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior / H. Taïfel, J. C. Turner // Psychology of Intergroup Relations. — 1986.